

Пётр Николаевич Краснов

**Цареубийцы (1-е марта 1881
года)**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.6
ББК 84-4
К77

К77 **Краснов П.Н.**
Цареубийцы (1-е марта 1881 года) / Пётр Николаевич Краснов – М.: Книга по Требованию, 2012. – 80 с.

ISBN 978-5-458-03469-2

Петр Николаевич Краснов (1869–1943) известен современному читателю прежде всего как один из лидеров Белого движения времен гражданской войны в России. Его перу принадлежат десятки книг, несколько исторических романов, среди которых «Цареубийцы» — один из наиболее удачных. Рассказывая о попытках народовольцев устранить императора Александра II, П.Н. Краснов удачно изображает тип революционера воплощающего во жизнь то, что некогда проповедовали герои романа «Бесы» Достоевского. Впервые роман был опубликован в Париже в 1938 году.

ISBN 978-5-458-03469-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

П.Н. КРАСНОВ

ЦАРЕУБИЙЦЫ

(1-е марта 1881 года)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Вера Ишимская была в том возрасте, когда девочка превращается в девушку. Платье — уже длинное, косы уложены по-девичьему, под юбкой подкинут турнюр — маленький, последняя мода, и зонтик с длинной и тонкой ручкой, и дана некоторая самостоятельность ходить по городу без горничной и гувернантки. Но внутри, под платьем — все еще девочка. По-детски все ее трогает и волнует. Из самой же глубины душевной поднимаются неясные вопросы, сложные, туманные и неразрешимые. Душа жаждет действия. Хочется подвига, подвижничества. Что-то совершить. Вера бродит по комнатам, вдруг остановится, задумается, зажмурит глаза...

Царствовать, как Екатерина Великая — державинская «Фелица» — «Богородица царевна киргиз-кайсацкия орды, которой мудрость несравненна...» Сгореть на костре, после подвига!.. Жанна д'Арк!.. Стихи, заученные в детстве по-русски и по-французски, встают в памяти: Ломоносов, Державин, Пушкин, Виктор Гюго, Ламартин...

Пушкинская Татьяна?.. Фуй!.. Татьяна — это вздор!.. Кисейная барышня!.. Любовь — пошлость!.. С такими-то запросами души — любовь?.. В мире и так довольно пошлости...

Откроет глаза — перед нею по стенам гравюры, литографии, акварели, картины масляными красками... Ладурнер, Клодт, Виллевалде. Развод караула... Знаменщик Семеновского полка... Группа на биваке. Белые штаны, мундиры в обтяжку, широкие лосиные ремни, черные каски с медными орлами и высокими волосяными султанами...

Дедушкина утеха.

Вера — сирота. Она живет у дедушки — генерал-адъютанта Афиногена Ильича Разгильдяева, старого вдовца.

Ее никто и ни в чем не стесняет. Она может уходить из дома, гулять одна, зимой ходить на каток в Таврическом саду, летом гулять по Петергофскому парку. Ей верят. Она — Ишимская, она была в институте и, выйдя из третьего класса, закончила образование дома с подходящими учителями.

Вера остановится против зеркала и долго смотрит на себя. Красива? Волосы русые — поэт-романтик сказал бы — пепельные. Глаза голубые. В глазах есть нечто напряженное и смелое. Стальное! Дерзкое?! Сложена? Недурно... Кузен Афанасий говорит: «На пять с плюсом: Гвардейский ремонт...». Лицо овальное, как в паспортах пишут — «обыкновенное»... Полюбить, увлечься?.. Не тенором же увлечься или капельмейстером Главачом?.. Фуй!.. Или полюбить такого осла, как Афанасий? Щиплет горничных, говорят — имеет любовницу, французенку из Михайловского театра Мими. Какая гадость?!..

Юное личико складывается в презрительную гримасу. Верт поворачивается на каблуках и идет по залу. Высокие каблуки щелкают по гладкому, натертому паркету: «ток!.. ток!.. ток!..» Гренадеры, егеря, стрелки, кирасиры, уланы с гравюр и картин глядят на нее. Любуются. На колонне желтого мрамора с розовыми жилками стоит белый бюст Императора Николая I — кумира деда Веры.

Вера дерзко проходит мимо. Щелкают каблочки: «ток!.. ток!.. ток!..»

— А ты полюбил бы?.. «Ток!.. ток!.. ток!..»

— Император?!

Вызывающе, дерзко смотрит на холодный мрамор бюста.

— Не боюсь!.. «Ток!.. ток!.. ток!..»

7-го июля — канун «Казанской». Графиня Лиля потащила Веру в Казанский собор ко всенощной.

Толпа народа. Все стеснилось в левой стороне собора, где на возвышении, в золоте драгоценного оклада, в блеске множества самоцветных пестрых камней, отражавших бесчисленные огни свечек, стоял прекрасный образ.

Шел долгий акафист. Кругом Веры — белые кителя и сверкающие погоны офицеров, стояли солдаты, мужики, бабы, виднелись длинные сюртуки купцов, поддевки дворников и лавочных сидельцев, платки женщин, старых и молодых. Было душно, от ладана сладко кружилась голова, пахло духами, розовым маслом, дыханием толпы, потом, сапогами, деревянным маслом. Вери толкали, хлопали по плечу свечками, шептали на ухо: «Владычице»!.. «Казанской»!.. «Празднику»!.. Отравляли Веру смрадом дыхания.

Кругом были напряженные лица, страстно верующие гласа, люди усталые, потные и счастливые... Прекрасно, вдохновенно пели митрополичьи певичие. Изумительно шло богослужений. В самую душу вливались слова тропаря, запоминались навсегда.

«...Заступница усердная, Мати Господа Вышнего!.. За всех мо-

лиши Сына Твоего Христа Бога Нашего и всем твориши спастись в державный Твой покров прибегающим...»

«Вот, вот оно где — настоящее», — думала Вера, опускаясь на колени рядом с графиней Лилей.

И у Веры становилось на лице то же умиленное выражение, какое было у графини Лили, какое было у всех молящихся вокруг образа.

От долгого стояния, от духоты, от толпы — во всем теле явилась сладкая истома. Сердце преисполнилось восторгом, и хотелось донести этот восторг до дома, как в детстве доносила Вера зажженную свечку от «Двенадцати Евангелий», от «Плащаницы», от «Светлого Воскресения»...

II

Эти летние дни в Петергофе, на даче деда, Вера была под обаянием глубокой веры. Зажженный огонек любви и веры она донесла до дачи на Заячьем Ремизе и продолжала носить, не гася, и дальше.

Она избегала на прогулках Нижнего сада, где много бывало народа; гуляла по тихим дорогам Английского парка, любовалась отражениями в прудах кустов, деревьев, белых стен павильонов на Царицыном и Ольгином островах.

С графиней Лилей она предпринимала далекие прогулки на высоты деревни Бабий Гон, к Бельведеру и *мельнице*, к сельскому Никольскому домику.

Там солдат-инвалид отворял двери и показывал в шкафу ля стеклом длинный черный сюртук с медалями за Турецкую войну и Анненской и два девичьих сарафана.

— Сюртук этот солдатский, инвалидный, — тихим сдержанным голосом рассказывал солдат-сторож, — Государь Император Николай I Павлович изволили надевать на себя, когда поднесли домик Государыне Императрице Александре Феодоровне. Ее Величество изволили часто совершать сюда прогулки, очень здесь распрекрасный вид, и как уставали они — то и повелел Государь Николай Павлович, чтобы отдохновение иметь Ее Величеству, построить избушку. Все работы делались тайно. Когда домик был готов, Государь сказал Государыне, будто пойдет он с детьми в кадетский лагерь, а Государыню просили обождать их в Большом дворце. И вот, значит, посылает Его Величество флигель-адъютанта с приказом привести Государыню на это место. И тут вдруг видит Государыня — на пустом раньше месте стоит красивая изба и из нее выходит отставной солдат в сюртуке Измайловского полка, вот в этом самом, с золотым галуном на воротнике и шевронами на левом рукаве, —

хлеб-соль у него в руках, и просит тот солдат Государыню отдохнуть в его избушке. И солдат тот был сам Государь Император. Входит умиленная и растроганная до слез Государыня в избу, а там выстроены во фронт ее дети.

— Дозвольте, — говорит солдат, — Ваше Императорское Величество, представить вам моих детей и просить вашего покровительства им. Старший мой сын, Александр, хотя и солдатский сын, и всего ему минуло 19 лет, а уже флигель-адъютант и о нем я но прошу, а вот о других моя просьба. Десятилетнего Константина — благоволите. Матушка Царица, определить во флот, семилетнего Николая просил бы в инженеры, а меньшого моего Михаила в артиллерию. Старшую мою дочь Марию хотелось бы в Смольный Институт, вторую — Ольгу — в Екатерининский, молодшую в Патриотический...

— Вот в этих самых сарафанах и представлялись Государыне Великие Княжны, как простые солдатские дочери.

— А ты знаешь. Вера, — сказала по-французски графиня Лиля, — почему Император Николай I не хотел ничего просить для своего старшего сына, нынешнего нашего Государя?..

— Et bien.¹

— В те дни Государь хотел его в крепость заточить, казнить, как казнил Петр своего сына Царевича Алексея.

— Боже мой!.. Да за что же?..

— За роман с Ольгой Калиновской, на которой хотел жениться Наследник и которая вышла потом замуж за графа Апраксина. Такой, говорят, скандал тогда вышел! Твой дедушка помнит, да не любит о том рассказывать.

Графиня Лиля берет Веру под руку. Она лет на шестнадцать старше Веры, — старая дева, фрейлина Двора и любит придворные сплетни. Они выходят из Никольского домика. Перед ними — идиллия прошлого царствования, рыцарского века, тонкого уходавания, баллад, сонетов, танцев, пастушков, пастушек, сюрпризов — подарков, альбомов со стишками и акварельными картинками, любви до гроба, мадригалов, — века красоты, немного искусственной, казенной, вроде тех литографий, что висят по стенам дедушкиной квартиры. Перед ними ширь Петергофских полей и лугов. Ивняк растет вдоль болотных канав, копны душистого сена раскиданы по полям, повсюду красивые группы кустов и деревьев, прилизанная, причесанная, приглаженная природа Петергофских Царских затей.

За лугами и холмами — город-сказка — горит золотыми крышамии дворцов и куполами церквей, густою зеленью садов и парков —

Новый Петергоф. За ним синь моря с прикрытым тонкой дымкой финским берегом. От Петергофа несутся звуки военной музыки, в кажется, что все это не подлинный мир — но яркая сцена нарядного балета.

Не жизнь — сказка. Сказка жизни...

Ранним утром графиня Лиля с Верой спустились в Нижний сад и пошли по главной аллее к Дворцовому каналу.

По всей аллее, между высоких лип, дубов и каштанов, белели солдатские рубахи и голландки матросов. Саперы и матросы Гвардейского экипажа приготавливали к 22-му июля иллюминацию.

Только что установили белую мачту, и молодец матрос, краснощекий, безусый богатырь. — Вере казалось, что она видит, как молодая кровь бежит по его жилам, — поплевал на руки и, ловко перебирая руками, полез на мачту. Он делал это так легко, что на него приятно было смотреть. Вера не сводила с него восхищенных глаз. Он поравнялся с вершинами деревьев, достиг верхушки мачты.

— Давайте, что ль! — крикнул он вниз веселым голосом. И ему стали подавать канат с навешенными стаканчиками с салом.

Вдруг... Вера не могла понять, как это случилось, — сломалась ли под тяжестью матроса верхушка мачты, или он сам не удержался на ней — Вера увидала, как матрос согнулся впил головой и полетел вниз.

Вера зажмурила глаза.

Раздался глухой стук. Точно тяжелый мешок ударился о землю... Потом наступила мгновенная тишина. Такой тишины Вера еще не знала.

Графиня Лиля тащила Веру за рукав.

— Вера!.. Идем... Какой ужас!..

Вера стояла неподвижная и с немым ужасом смотрела, как в двух шагах от нее дергалась в судорогах нога в просторных белых штанах, как налилось красивое лицо матроса несказанной мукой, потом вдруг побелело и застыло.

Толпа матросов оттеснила Веру от убившегося и накрыла его шинелью. Все сняли фуражки и стали креститься.

Ужас смерти прошел мимо Веры.

Вера еще никогда не видела мертвецов. Ее родители умерли в деревне, когда Вера была в институте, и Веру не возили на похороны. Она не знала сурового безобразия смерти. Ей не пришлось бывать на похоронах. Иногда на прогулке встретит Вера шествие. Но в нем нет безобразия смерти. Шестерка лошадей везет колесницу, сплошь покрытую цветами и венками, сзади ведут лошадь, звучит торже-

ственный похоронный марш и мерным шагом под грохот барабанов идут войска. Пахнет примятым ельником, еловые ветки разбросаны по дороге. Вера остановится и смотрит войска; совсем как у дедушки на картинах. О покойнике в гробу она и не вспомнит. По привычке бездумно перекрестится — так ее учили.

Эта смерть матроса была первая смерть, которую Вера увидела на пороге своей девичьей жизни, и она ее поразила, пронзила такой страшной несправедливостью, что Вера потеряла все то настроение умиленности, что жило в ней эти дни.

— Идем же, Вера, — настаивала графиня Лиля, а сама тряслась всем телом и не двигалась с места.

Лазаретный фургон рысью ехал по аллее. Матросы несли убишесого, и между их спин Верп увидело белое страшное лицо.

Знакомый офицер, мичман Суханов, подошел к Вере и графине Лиле.

— Николай Евгеньевич, — спросила графиня Лиля, — неужели?.. Совсем?

— Да... Убился... Судьба... Доля такая...

— Убился?.. Что же это? — сказала Вера.

— Сорвался... Это бывает... Молодой...

— Бывает... — с негодованием говорила Вера, сама не помня себя. — На потеху публике... Иллюминацию готовили!.. Потешные огни У него же мать!.. Отец!..

— Это уже нас не касается, — сухо сказал офицер. — Несчастный случай.

— Вера!.. Вера, — говорила графиня Лиля. — Что с тобой? Подумай, что ты говоришь!

Вера шла опустив голову. Та свеча, что донесла она от Казанской, была загашена этим глухим стуком живого человеческого тела о землю. Ее душа погрузилась в крошечный мрак, и только выдержка заставляла Веру идти с графинею и Сухановым к дому. Они тряслась внутренней дрожью, и все ей было теперь противно в том прекрасном мире, который ее окружал.

III

Вера не хотела выходить на смотр экипажей и выездов и к завтраку, хотела отговориться нездоровьем. Генерал второй раз прислал за ней.

В комнате Веры графиня, стоя перед зеркалом, пудрила нос.

— Боже!.. Как загорела! — говорила она. — И нос совсем красный. И блестит!.. Какая гадость!.. Тебе хорошо, в твои восемнадцать лет и загар — красота, а мне нельзя так загорать... И полнею тут. Прогулки не помогают...

Блестящие черные глаза графини Лили были озабочены. Она подвила спереди челку, поправила шиньон. Вера смотрела на нее с ужасом. «Как может она после того, как тут убился матрос, думать о своей красоте!...»

Графиня Лиля заглянула в окно.

— Вера, — сказала она, — тебе пора садиться в брэк. Генерал уже забрался в него. Когда тебе перевалит за тридцать, милая Вера, нужно обо всем подумать. Что-то нам покажет Порфирий?.. Я догадываюсь... Я думаю, что я даже отгадала... Идем, Вера!..

На дворе высокий худощавый генерал в длинном сюртуке с золотым аксельбантом, в фуражке сидел на козлах высокого брэка. Рослые воронные кони не стояли на месте. Державший их под уздцы грум побежал помочь Вере забраться на козлы. Две белых собаки в мелких черных пятнах, точно в брызгах, два кэрридж-дога, приветливо замахали хвостами навстречу Вере.

— Флик!.. Флок!.. На место! — крикнул генерал. — Вера опаздываешь!

Собаки покорно побежали к передним колесам экипажа. Генерал тут же натянул вожжи, и воронные кони, постепенно набирая ход, сделали круг по усыпанному песком двору и выехали за ворота на шоссе.

Гости генерала пестрой группой стояли на деревянном мостике, перекинутом через шоссеиную канаву у входа в сад. Впереди всех — баронесса фон Тизенгорст, старый друг генерала и большая лошадица, у нее в Лифляндской губернии был свой конный завод; подле нее молодой, в темно-русых бакенбардах, крепко сложенный, коренастый, красивый лейб-казачий ротмистр Фролов, тоже коннозаводчик, французский военный агент Гальяр, бойко говоривший с графиней Лилей, тщательно картавивший с настоящим парижским шиком, и пришедший вместе с Верой и графиней Суханов ожидали выездов. Несколькими сзади стояли Карелии, чиновник иностранных

дел в форменном кителе, и полковник генерального штаба Гарновский, приятель сына генерала Порфирия.

— Русские женщины удивительны, — говорил Гальяр, — они говорят по-французски лучше, чем француженки.

— Oh, mon colonel, вы мне делаете комплименты! Французский язык родной для меня с детства.

— Я полагаю, графиня, — серьезно сказала баронесса фон Тизенгорст, — нам лучше отложить зонтики, чтобы не напугать лошадей. Лошади генерала не в счет, их ничем не испугаешь, но Порфирий Афиногеновича и особенно Афанасия, Бог их зияет, что у них за лошади.

— Скажите, баронесса, — обратился к Тизенгорст Карелин и вскинул монокль, — это правда, что никто, и Афиноген Ильич в том числе, не знает, что готовят ему сын и внук?

— Совершеннейший секрет, милый Карелин, — сказала графиня Лиля по-французски. — Никто того не знает. Порфирий Афиногенович готовил свои выезды в Красном селе, а Афанасий в Царском.

— Неужели никто не проболтался? — сказал Гарновский.

— Никто. Ведь и вам Порфирий Афиногенович ничего не говорил и не показывал. И нам предстоит решить, чей выезд будет лучше, стильнее и красивее.

— Во Франции такие конкурсы уже делаются публично в Париже, — сказал Гальяр.

— Но мы еще, милый Гальяр, не во Франции, — улыбаясь, сказала графиня Лиля.

— Если выезды будут одинаковые — это возможно, — мягким баском сказал Фролов, — генеральский выезд мы все знаем, но я никак не могу себе представить Порфирия в немецком брэке, с куце остриженными хвостами у лошадей... Да вот и его высокопревосходительство.

Воронье кони просторною рысью промчались мимо судей по шоссе. Генерал сидел, как изваяние, прямой и стройный; рядом с ним без улыбки на бледном, грустном лице сидела Вера. Грум, сложив руки на груди, поместился сзади, спиной к ним. Кэрриджи дружной парой бежали у переднего колеса, и было удивительно смотреть, как собаки попевали за широкой машистой рысью высоких, рослых коней.

— Прекрасны, — сказал Фролов.

Генерал свернул на боковую дорогу, объехал кругом, подкатил к гостям и беззвучно остановил лошадей. Грум соскочил с заднего места и стал против лошадей у дышла. Собаки, разинув пасть —

высунув розовые языки, улеглись подле колеса.

— Картина, — сказал Фролов. — Что в них четыре вершка с половиной будет?

— Полных пять, Алексей Герасимович, — с козел отозвался генерал.

— Настоящие Ганноверские, — сказала баронесса фон Тизенгорст. — Эта порода веками выводилась. Какая чистота линий. Обе без отметин. Я думаю, такой пары нет и в Придворном ведомстве.

— Л, собаки, собаки, — умиленно сказал Гарновский. — Просто удивительно, как они свою роль знают. Где вы таких достали, ваше высокопревосходительство?

— Подарок князя Бисмарка... Ну, бери, — крикнул генерал груму. — Уводи. Слезай, Верп. Сейчас Порфирий пожалует удивлять пне.

Конечно, я угадала, — сказала графиня Лиля. Она подалась вперед, опираясь на зонтик и прислушиваясь. Она вдруг помолодела и похорошела. Румянец заиграл на ее полных щеках. Глаза заблестели, маленький, красивого рисунка рот был открыт, обнажая тронутые временем, но все еще прекрасные зубы.

— Музыка, — восторженно сказала она и приложила маленькую, пухлую руку к уху.

Из-за поворота шоссе все слышнее становился залиvistый звон колокольцев и бормотание бубенчиков.

Ближе, слышнее, веселее, ярче, залиvistее становилась игра троечного набора. И вот вся тройка буланых лошадей показала на шоссе. Вихрем неслась она мимо любопытных прохожих, мимо дач. Она пронеслась, мелькнула, не пыля по нарочно политому водой шоссе мимо Афиногена Ильича и его гостей. Качался под расписной дугой широкий, ладный розово-золотистый жеребец, и колоколец на дуге мерно отзванивал такт его бега. Такие же розово-золотистые пристяжки неслись врястяжку. Их черные гривы взмахивались, как крылья, прямые хвосты были вытянуты. Стонали на ожерелках и на сбруе бубенцы, заливаясь неумолкаемой песнью. Спицы колес слились в одну полосу. Ямщик в шапке с павлиньими перьями, в малиновой рубахе и бархатной поддевке молодецки гикнул, проносья мимо. Порфирий встал во весь рост в коляске, и накинутаю небрежно на одно плечо «николаевской» легкой шинели и отдал честь отцу — и все скрылось во мгновение ока, слетело с политого водой участка дороги и запылило облаком прозрачной серой пыли.

— Н-нда, птица-тройка, — раздумчиво сказал Карелин, выбирающая из глаза монокль. — Чисто гоголевская тройка.